

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
У99

Carly Anne West

HELLO NEIGHBOR #1: MISSING PIECES

© 2018 tinyBuild, LLC. All Rights Reserved.

© 2018 DYNAMIC PIXELS™

Scholastic and associated logos are trademarks and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

Russian edition published by Eksmo Publishing by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Перевод с английского *Марии Касьяненко*

Уэст, Карли Энн.

У99 Отсутствующие фрагменты / Карли Энн Уэст ; [пер. с англ. М. А. Касьяненко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-098727-6

По мегапопулярной компьютерной хоррор-игре Hello Neighbor! Привет, сосед!

Ники Рот и его родители в очередной раз переезжают. Им предстоит жить в сонном городке Равен Брукс. Ники встречает соседскую семью, Питерсонов, и знакомится с их сыном, Аароном. Вскоре мальчишки становятся неразлучными друзьями. Но Ники замечает много странностей в семье своего нового друга. Никто, кроме него, не дружит с Аароном и его младшей сестрой Мией и не ходит к ним в гости. Мама Аарона, миссис Питерсон, будто летает в облаках, а папа, мистер Питерсон, по-настоящему пугает Ники внезапными вспышками гнева. Что это за люди? И что на самом деле творится за закрытыми дверями соседского дома? Почему окружающие избегают этой семьи? И кто же такой мистер Питерсон на самом деле?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098727-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

«Эта не ты фантазируешь, — говорила моя бабушка, — это твоя душа встречается в историю».

Я был ребёнком того сорта, каких мои родители называют сонями беспокойными. Но моя бабушка была гораздо ближе к истине. Она была рядом со мной, когда я закрывал глаза и улетаю прочь. Когда я просыпался, она заставляла меня мыть руки — ровно так же, как делала это сама, начиная с этой процедуры каждое утро. Цокая языком, она тёрла мои руки мочалкой, стряхивала с них воду и вытирала полотенцем. «Странный ты парень, — говорила она иногда, — твоя душа уводит тебя бог знает куда, заставляет тебя потеряться». Затем она внимательно следила, как я бегу в свою комнату одеваться. Даже закрыв дверь, я слышал её шёпот: «Заканчивай с этими фантазиями, малыш! Или однажды ты не найдёшь обратной дороги!»

Именно так мои мечты стали кошмаром.

Моя бабушка в последние годы жизни почти совсем ослепла, но в моей душе она читала яснее, чем кто-либо.

Так было, пока я не встретил Аарона.

ГЛАВА 1

Николас, сейчас — это *прямо сейчас!* — кричит мама снизу, подойдя к лестнице. В пустом доме её голос отскакивает от стен, как мячик, и со всего маха врежется прямо в мой раскалывающийся от боли мозг.

— Дай ему ещё минутку, Лю. — Папин голос тише, но и этот звук причиняет боль.

Я знаю: они думают, что я всю ночь не спал, занимаясь чем-то запретным, типа видеоигр и уплетания сырного соуса прямо из банки.

Но на самом деле я всю ночь вообще ничего не делал. Я пялился на стену, потом — на потолок, потом — на муху, прилипшую к липкой ленте, которой оклеили коробку с моим оборудованием и тремя разобранными радиоприёмниками.

— Мы платим транспортной компании по часам, Джей. Или он спустится прямо сейчас, или новым жильцам придётся его усыновить.

— Пора, Нарф, — говорит папа, пока я ползу вниз.

И я улыбаюсь, потому что папа старается.

Думаю, мама тоже по-своему старается.

— Вот, блин, — произносит папа после того, как мама несколько сильнее, чем стоит, чмокнула меня в лоб и вышла на улицу.

— Что?

— Этой улыбкой ты никого не обманешь. Она выглядит жалко, — отвечает он.

Я останавливаюсь, и мы оба можем наконец перевести дух.

— Я знаю, это плохо, — говорит он, потирая затылок. — Ужасно плохо.

— Это всего лишь смена штата, — изрекаю я, повторяя слова, которые мама твердила нам каждый день на протяжении трёх последних месяцев.

— Это смена галактики, — отвечает папа.

Слава Великим Инопланетным Пришельцам — наконец хоть кто-то сказал правду!

— М-да... Толпы моих приятелей умоляли меня не уезжать. Мне пришлось пообещать им, что я буду писать, — говорю я, и улыбка сползает с папиного лица, потому что он знает, что я снова притворяюсь.

— По сути, этот город никогда не был твоим, — отзывается он. — Так что пусть Равен Брукс станет тебе родным. Равен Брукс...

Папа закрыл дверь дома, который никогда не был моим. Как и предыдущий, и бывший до этого.

— Прощай, Красный Дом, — говорит мама, в зеркало заднего вида наблюдая, как грузовик маневрирует слишком близко от входа. У неё в глазах стоят слёзы, и папа слегка похлопывает её по руке.

— Равен Брукс станет родным для нас, — повторяет он снова: на этот раз так, чтобы его слышала мама, и ему, кажется, удаётся убедить её так же, как и меня.

715 миль мы едем практически в полной тишине, переваривая ложь о том, что Равен Брукс расположен совсем рядом от Чарльстона.

А раньше мы так же глотали ложь о том, что Голубой Дом в Онтарио почти ничем не отличается ни от Коричневого Дома в Окленде, ни от Жёлтого в Реддинге или от Бежевого в Керд'Эйлене.

С каждым разом ложь чуть-чуть разрасталась — при каждом осознании того, что городу, в котором больше нет газет, не нужны редакторы этих газет, а вот арендодатели хотят, чтобы им платили, несмотря ни на что.

Так что это был ещё один шаг, ещё один город, ещё одна новая школа и ещё один новый

дом, который так и не станет нашим домом.
Просто я уже немножко привык.

На сей раз я, может быть, даже не стану распаковывать вещи.

ГЛАВА 2

Новый дом — бирюзовый.

— Я бы сказала, что он скорее сине-зелёный, — говорит мама, наклонив голову так, будто это может изменить цвет.

— Морской волны, — предлагает папа, — одно время фасады такого цвета были в большой моде.

Папа ничего не смыслит в моде и такого рода расцветках. Но уж таковы газетные редакторы. Они способны произвести впечатление экспертов, какого вопроса ни коснутся.

— Разве на фотографиях он был не белым? — спрашивает мама.

Грузовик гроыхает по тихой улице, именуемой — клянусь Пришельцами! — Дружелюбный переулок. Водитель выглядывает в окно:

— Это ваш? Бирюзовый?

Мама опускает голову: «Я сдаюсь».

Папа кивает водителю: «Да, бирюзовый».

Грузовик разворачивается и задним ходом выруливает на подъездную дорожку. Отныне мы — Джей, Лианна и Ники Рот из дома 909 по

Дружелюбному переулку, Равен Брукс. Осенью я пойду в восьмой класс равенбрукской средней школы, где буду делать успехи в английском и биологии и мучиться с математикой и испанским. Я буду тем самым коротышкой в футболке с «Битлз», имя которого все путают, с торчащим слева вихром, который не удаётся пригладить, даже вылив на него тонну воды. Я буду питаться пакетиками желейных конфет и вытирать обеденный стол, потому что почему бы и нет. А остаток перемены я стану проводить, то вынимая из рюкзака, то убирая обратно свои вещи.

— Милая улочка, — говорит папа, имея в виду преимущественно нестриженные газоны и плотно закрытые ставни на окнах.

Краска слегка выцвела, машины — изрядное старьё, но нам доводилось жить в районах и похуже. На клумбе через дорогу я даже замечаю кошку (или двух?). Кошка — это хороший знак.

— Здесь тихо, — отвечает мама, и по её голосу трудно понять, хорошо это или плохо.

— Здесь есть ферма, разводящая лам, — сообщаю я, и родители оборачиваются. — Я видел указатель, — поясняю я им, и мы опять замолкаем.

— Ну, — произносит папа чуть позже, — думаю, я заработал шоколадный рулетик.

Мама вечно брюзжит, что папа так и не перестал быть малышом-сладкоежкой, но его любовь к сладкому совершенно по-взрослому регламентирована. Достаточно понять общий принцип — и вы всегда будете знать, как у папы дела. Шоколадный рулетик означает, что он устал. Пряники он ест, когда счастлив. Уплетает чокопай — у него праздник! Запом-

Таблица папиных настроений исходя из предпочитаемых им СЛАДОСТЕЙ

<u>Лакомство</u>	=	<u>Настроение</u>
шоколадные рулетики 	=	Измотан
кексы 	=	Грустит
твинки 	=	Задумчив
пряники 	=	Счастлив
чокопай 	=	Ликует

Иногда лакомства могут сочетаться, чтобы выразить всю гамму чувств.

ните: важные индикаторы — жёлтого цвета. Кексы значат лишь одно — папа грустит. Зато без твинков не обойтись, если он размышляет о проблемах вселенского масштаба — больших вопросах типа Господства Пришельцев в Космосе.

Мама вздыхает:

— Джей, ты съел уже три штуки.

— И что с того, милая? Я тебя не слышу. Сейчас время шоколадного рулетика!

Я было направился в дом вслед за ними, но решил впитать ещё немножко уличного спокойствия. Если подождать подольше, то, может, ко мне выйдет одна из кошек. Я сажусь на бордюр перед нашим новым бирюзовым домом и начинаю вытягивать длинные острые травинки, торчащие со всех сторон от меня. Я поглощён размышлениями о последнем проекте — связке старых замков, найденных мной в опустевшем красном доме. Пять разных замков, все заперты, и ни у одного нет ключей. Два мне удалось отпереть, но с остальными проблема. Замки — это и есть мой новый проект, особенно — *отмыкание*. Для меня это — будто заполучить что-то, не ломая, будто я разгадываю скрытую внутри тайну. Я как-то попробовал объяснить это маме, но вряд ли она поняла: ей ближе то, что можно рассмотреть в микроскоп.

— Ник, я уверена — ты замечательный, — говорит мама, и трудно сказать, похвала это или тревога. Она, взяв меня за подбородок, повернула мою голову так, чтобы я увидел её суровый взгляд. — Но лучше бы тебе заняться чем-то осмысленным.

Это замечание, которым она сопровождает почти всё, что я делаю, — отличный пример того, как даже самые умные люди могут принимать идиотские решения.

Какое-то движение на противоположной стороне улицы вывело меня из забытья. Сначала я решил, что это одна из кошек, но они пропали из вида. Единственное, что я заметил, — кто-то задёрнул занавески на втором этаже дома напротив. Я вглядываюсь внимательнее, но не вижу никого за занавеской. Мне видна лишь тень скрюченного дуба, который почти касается окна, чуть ли не дотрагиваясь ветками стёкол. И всё же, кто-то за мной наблюдал. Такое сразу чувствуешь: это как воздух, который перед грозой пахнет иначе. Я ещё некоторое время всматривался в окно, пока мне это не надоело.

— Ну и пьялся на меня, если хочешь, — говорю я пустому окну, — нечего тут рассматривать.

Я встаю, чтобы уйти внутрь. Моё решение не распаковывать вещи уже не было незыблемым. «Пожалуй, хотя бы коробку с замками», —